

П.И. Чайковский и природа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П11

П11 П.И. Чайковский и природа / – М.: Книга по Требованию, 2025. – 46 с.

ISBN 978-5-519-87726-8

ISBN 978-5-519-87726-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и глубокопоучительны. Для примѣра возьмемъ фразу въ три слова, изъ «Дневника», который велъ П. И.: «Люблю я всеобщую» ¹⁾. Для музыкальнаго критика это можетъ быть мелочь, не имѣющая значенія, для характеристики же человѣка, въ извѣстные его годы, эти три слова говорятъ очень много.

Что придаетъ особенный интересъ и цѣнность разсматриваемой книгѣ и выгодно отличаетъ ее отъ многихъ другихъ біографій, это то, что она на добрую двѣ трети состоитъ изъ писемъ самого П. И. Какъ извѣстно, П. И. Чайковскій подолгу живалъ за границей и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и, не будучи общителенъ и разговорчивъ, тѣмъ охотнѣе бесѣдовалъ по почтѣ съ близкими его сердцу людьми. (Въ архивѣ П. И. Чайковскаго, въ Клинѣ, хранится болѣе 4.000 его писемъ къ разнымъ лицамъ). Въ этихъ письмахъ, болѣею частью написанныхъ хорошимъ, даже изящнымъ стилемъ, нерѣдко остроумныхъ, сказывается умный, высокообразованный человѣкъ, въ высшей степени отзывчивый на разные явленія общественной, политической и частной жизни. Изъ этихъ же писемъ вырисовывается тонкая, благородная и высокая душа Петра Ильича. Особенно полны живого интереса письма его къ Н. Ф. фонъ-Меккъ, съ которою П. И. состоялъ въ самыхъ удивительныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ отношеніяхъ. Преимущественно изъ этихъ послѣднихъ

¹⁾ Т. III, стр. 129.

писемъ (но также и изъ другихъ) мы узнаёмъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, отъ самого П. И-ча, объ его отношеніяхъ къ религіи, политикѣ, поэзіи, искусствамъ, выдающимся писателямъ и т. п. Изъ этихъ же, преимущественно, писемъ выясняются п отношенія П. И-ча къ природѣ, и та выдающаяся роль, которую играла природа въ жизни и творествѣ нашего славнаго композитора.

П. И. Чайковскій обладалъ удивительно сильнымъ, можно сказать феноменальнымъ, чувствомъ природы. Мы неизвѣстно другого примѣра человѣка, который такъ сильно воспринималъ бы впечатлѣнія отъ красоты природы и такъ сильно на нихъ реагировалъ. Мало сказать, что П. И. страстно любилъ природу—онъ ее обожалъ.

Раннее дѣтство П. И-ча, до 8-лѣтняго возраста, прошло среди сельской обстановки, среди живописной природы Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, гдѣ отецъ П. И-ча былъ начальникомъ извѣстнаго Воткинскаго горнаго завода. Бывшая гувернантка П. И-ча, швейцарка М-ле Фанни, говоритъ между прочимъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Лѣтомъ въ нашемъ распоряженіи былъ экипажъ и мы совершали поѣздки по прелестнымъ окрестностямъ Воткинска»¹⁾.

Уже въ эти ранніе годы П. И-ча сказываются задатки его будущаго сильнаго чувства природы, какъ

¹⁾ Т. I, стр. 28.

это, напрімѣръ, видно изъ одного трогательнаго французскаго стихотворенія, написаннаго имъ еще до достиженія 8-лѣтняго возраста. Вотъ это стихотвореніе (въ русскомъ переводѣ М. И-ча): «Смерть птички». «Она спитъ тамъ безъ могилы. Она не спитъ подъ землею, какъ человѣкъ, однако же она отнюдь не ничто для Господа. Она ему что-то, ся жизнь не пропала. Бѣдная малютка, не бойся. Дѣти тебя положить въ холодную землю и украсятъ цвѣтами. Они тебѣ сдѣлаютъ могилу. О! Господь не забылъ ее»...¹⁾.

У 11-ти-лѣтняго мальчика уже проявляется чувство красоты природы и наблюдательность: «Эта деревня такъ красива! (пишетъ онъ своимъ родителямъ въ 1851 г., изъ деревни подъ Петербургомъ, гдѣ тогда проводилъ лѣто). Окрестности восхитительны! Расположена она на холмѣ, противъ нея аллея, ведущая къ озеру, въ которомъ много рыбы, налѣво отъ аллеи птичья. Съ другой стороны дома садъ, за этимъ садомъ большая аллея, ведущая въ рощу» и т. д.²⁾.

Къ 30-му году жизни П. И-ча чувство природы развилось въ немъ уже настолько, что онъ самъ констатируетъ свою способность «умпяться» и «таять» отъ вдыханія весенняго воздуха. Такъ, въ письмѣ къ своему пріятелю И. А. Клименко (изъ Москвы отъ 1 мая 1870 г.), между прочимъ онъ пишетъ: «... въ

¹⁾ Т. I, стр. 41.

²⁾ Т. I, стр. 69.

эту минуту (въ 4 ч. утра) я сижу у отвореннаго окна и упиваюсь по истинѣ благоухающимъ воздухомъ весенняго предутрія»... «Мнѣ хочется сказать тебѣ, что, не смотря ни на что, жизнь хороша, и что майское утро стоитъ того, чтобы въ 4 часа ночи я почувствовалъ позывъ къ изліяніямъ, чтобы я, ради этой потребности, написалъ тебѣ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и чтобы ты, о ядовитый смертный, надъ ними смѣялся. Итакъ, смѣйся, а я все-таки скажу: какъ хорошо майское утро и какъ, не смотря ни на что, жизнь хороша!» (Затѣмъ перечисляются эти «несмотря ни на что»: крайнее раздраженіе нервовъ, плохія финансовыя дѣла, «консерваторія надоѣла до тошноты»¹⁾ и проч.). «Словомъ,—продолжаетъ П. И.,—много шиповъ, но есть и розы, а именно: способность умиляться, вдыхая весенній воздухъ, таять и испытывать потребность сказать другу»... «что жизнь хороша, ибо бываютъ майскія утра съ влажнымъ, благоухающимъ воздухомъ, блѣдно-голубымъ небомъ»... и «отсутствіемъ всякихъ человѣческихъ звуковъ»...²⁾).

Вообще весну П. И. любилъ восторженной любовью, въ особенности свою родную, русскую весну: «...Какое волшебство наша весна со своей внезапностью, своею роскошной силой!»—воскликаетъ онъ (въ письмѣ къ Н. Ф. фонъ-Меккѣ, изъ Флоренціи,

¹⁾ П. И. въ то время былъ уже преподавателемъ въ Московской консерваторіи.

²⁾ Т. I, стр. 848.

отъ 20 февр. 1878 г.). «Какъ я люблю, когда по улицамъ потекутъ потоки тающаго снѣга и въ воздухѣ почувствуется что-то живительное и бодрящее! Съ какой любовью привѣтствуешь первую зеленую травку, какъ радуешься прилету грачей, а за ними и жаворопковъ и другихъ заморскихъ лѣтнихъ гостей!»¹⁾ Въ другомъ письмѣ къ той же особѣ (отъ 24 апрѣля 1887 г., изъ Майданова, дачнаго мѣста близъ гор. Клина, Московской губ.) П. И. пишетъ: «...Теперь, съ наступленіемъ весны, и здоровье мое стало превосходно. Чѣмъ ближе подвигаешься къ старости, тѣмъ живѣе чувствуешь наслажденіе отъ близости къ природѣ. Никогда я еще такъ не унывался прелестью весны, просыпающихся произрастаній, прилетающихъ птичекъ и всего вообще, что приносить русская весна, которая у насъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ то особенно прекрасна и радостна. Между прочимъ веснѣ и тому подъему духа, который она причиняетъ, я приписываю то, что я почти пересталъ страдать отъ крайняго утомленія и напряженія всѣхъ своихъ силъ, которое сказывалось очень сильно и болѣзненно нѣсколько недѣль назадъ»²⁾.

Н. Д. Кашкинъ въ воспоминапіяхъ своихъ о П. И. Чайковскомъ, рассказывая объ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана П. И.-чемъ музыка къ драмѣ Островскаго «Снѣгурочка», между

¹⁾ Т. II, стр. 121.

²⁾ Т. III, стр. 166.

прочимъ, говорить: «...Весна уже наступала, а ея приближеніе всегда вызывало въ немъ (т. е. въ Чайковскомъ) восторженное, поэтическое настроеніе: онъ восхищался именно русской весной, когда природа просыпается отъ долгаго мертваго сна зимы и все вокругъ мѣняетъ свой видъ иногда въ нѣсколько дней. Весна въ 1873 г. была, кажется, довольно ранняя, такъ что сочиненіе музыки къ «Весенней сказкѣ» (т. е. «Синѣгурочкѣ») совпало съ наступленіемъ весны. Петръ Ильичъ работалъ съ увлеченіемъ» ¹⁾).

Объ итальянской же веснѣ П. И. отзывается такъ: «Здѣсь (во Флоренціи) весна подступаетъ тихими шагами, понемножку, такъ что я не сумѣю опредѣлить съ точностью, когда она установилась. И могу ли я умиляться при видѣ зеленой травки, когда въ декабрѣ и январѣ я имѣлъ ее уже передъ глазами?» (Изъ письма къ Н. Ф. фонъ-Меккѣ, отъ 20 февраля 1878 г.) ²⁾).

Лѣто П. И. считалъ неблагопріятнымъ для себя временемъ года, какъ это видно изъ письма къ Н. Ф. фонъ-Меккѣ (отъ 11 сентября 1885 г., изъ Майдана), въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Съ наступленіемъ настоящей, хмурой и пенастной осени, здоровье мое совершенно поправилось и теперь, кромѣ утомленія отъ работы, никакихъ болѣз-

¹⁾ Ж. I, стр. 405.

²⁾ Т. II, стр. 121.

пленныхъ проявленій я не испытываю. Прихожу къ заключенію, что для моей натуры лѣто — самое неблагоприятное время года и что жары дѣйствуютъ на мой организмъ зловреднымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, я замѣчалъ, что зимою, если только живу въ деревнѣ или за границей, я чувствую себя всегда лучше, чѣмъ лѣтомъ и ужъ, во всякомъ случаѣ, разъ навсегда я рѣшился лѣтомъ избѣгать работы, а странствовать и отдыхать» ¹⁾).

Здѣсь я долженъ, однако, замѣтить, что П. И., высказывая свое порицаніе лѣту и отдавая предпочтеніе осени и зимѣ, по отношенію къ дѣйствию ихъ на его здоровье, впалъ въ ошибку, принимая слѣдствіе за причину: не потому чувствовалъ онъ себя всегда лучше зимою, чѣмъ лѣтомъ, что зимнее время будто бы благоприятствовало его здоровью, а лѣтнее не благоприятствовало, а потому, что зима всегда слѣдовала за лѣтомъ (и осенью), въ каковыя времена года — и именно въ якобы зловредныя для него лѣтнія жары — именно и происходила «заготовка», нагуливаніе того физическаго благостоянія, которое сказывалось съ наступленіемъ зимы. (Въ эту ошибку впадаютъ весьма многіе; въ томъ числѣ и А. С. Пушкинъ, говорящій въ своемъ стихотвореніи «Осень»:

«И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
«Здоровью моему полезенъ русскій холодъ»...

¹⁾ Т. III, стр. 71.

Если бы хотя однажды лѣто «выбыло въ отлучку» и за весною послѣдовала непосредственно осень и зима, плохо пришлось бы тогда нашему здоровью).

Осень П. И. любилъ, по его словамъ, «почти такъ же, какъ весну». Она имѣла свойство наполнять его душу «тихими и радостными ощущеніями», на ряду съ улучшеніемъ и физическаго его самочувствія въ это время года. Такъ, въ письмѣ къ г-жѣ фонъ-Меккъ (отъ 31 августа 1879 г., изъ Симаковъ) ¹⁾ онъ говоритъ: «...Любите ли вы такіе сѣренькіе дни, какъ сегодня? Я люблю ихъ ужасно. Да и вообще, начало осени, по предѣсти, можно сравнить только съ весной. Мнѣ кажется даже, что сентябрь, съ его пѣжно-меланхолической окраской природы, имѣетъ преимущественное свойство наполнять мою душу тихими и радостными ощущеніями». «...Я просидѣлъ около часу на этомъ мѣстѣ» (на краю березовой рощи, съ видомъ на село и дальшій лѣсъ) «и испыталъ одну изъ чудныхъ минутъ, когда всякія заботы и тревоженія куда-то скрываются. Въмѣсто нихъ предается самымъ разнообразнымъ и отрывочнымъ мыслямъ и фантазіямъ. Надъ головой кружатся тучи ласточекъ, и тотчасъ начинаешь соображать: зачѣмъ онѣ собираются, не хотятъ ли уже летѣть, куда онѣ полетятъ? и т. д.; смотришь на вѣсковыя деревья и

¹⁾ Симаки — одна изъ экономій Брандовскаго имѣнія г-жи фонъ-Меккъ въ Винницкомъ уѣздѣ Подольской губ., гдѣ П. И. провелъ почти весь августъ 1879 г., гостемъ у владѣлицы имѣнія.

стараешься опредѣлить ихъ возрастъ», и т. д. ¹⁾). Здѣсь мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ чертой, такъ сказать, аналитическаго отношенія П. И-ча къ природѣ: у него не только широко было раскрыто сердце для воспріятія общихъ впечатлѣній отъ природы и ея красоты, но и превосходно были раскрыты глаза и уши, для воспріятія отдѣльных элементовъ, изъ которыхъ слагались эти впечатлѣнія, — была тонко развита наблюдательность, съ которой мы еще неоднократно встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи. Затѣмъ, необходимо сдѣлать маленькое разъясненіе по поводу одной фразы только что цитированнаго письма: «Любите ли вы *такіе* ²⁾ сѣренькіе дни, какъ сегодня»? Можетъ явиться недоумѣніе, какъ могла знать Н. Ф. фонъ-Меккъ, какой именно *такой* сѣренькій день былъ въ то время въ Симакахъ, гдѣ находился П. И.? Но дѣло въ томъ, что когда П. И. гостилъ въ Симакахъ, г-жа фонъ-Меккъ находилась тутъ же, въ непосредственной близости отъ него, въ Браиловѣ, и между ними велась переписка. (Устно эти два удивительныхъ друга никогда не сказали одинъ другому ни одного слова, въ теченіе всей своей тринадцатилѣтней дружбы).

Еще о своемъ чувствѣ къ осени говорить П. И. въ письмѣ къ г-жѣ фонъ-Меккъ изъ Браилова (отъ 12 августа 1876 г.): «...День сегодня чудесный. Я

¹⁾ Т. II, стр. 308.

²⁾ Курсивъ мой.

сизу на балконѣ, выходящемъ въ садъ, и пишу вамъ въ виду массы распустившихся георгинъ, великолѣпныхъ розъ, еще кое-гдѣ красующихся между массой другихъ цвѣтовъ. Въ первый мой прїѣздъ сюда была весна, цвѣли спрени и пѣли соловьи. Это чудное время. Но и теперь хорошо. Хотя тепло, но осень уже даетъ себя нѣсколько чувствовать; на деревьяхъ кое-гдѣ появляется желтизна, въ воздухѣ чувствуется нѣсколько осенняя свѣжесть. Я люблю осень почти такъ же, какъ весну...¹⁾ Особенно же, повидимому, любилъ П. И. то время осени, когда деревья уже разукрасятся въ осенній нарядъ: «...У насъ стоятъ чудные дни»—пишетъ онъ г-жѣ фонъ-Меккъ изъ Каменки²⁾ (отъ 9 октября 1879 г.):— «Каждое утро я отправляюсь на далекую прогулку, отыскиваю гдѣ-нибудь уютный уголокъ въ лѣсу и безконечно наслаждаюсь осеннимъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ опавшей листвы, тишиной и прелестью осенняго ландшафта, съ его характернымъ колоритомъ...»³⁾. Три дня спустя П. И. пишетъ ей же и оттуда же: «Что за чудные дни стоятъ теперь! Теплые, безъ вѣтра, свѣтлые! Какъ хороша осень! Какъ хорошъ лѣсъ съ пожелтѣвшими, но не опавшими еще листьями! Въ саду еще цвѣтутъ резеда, вербены, настурція, и на моемъ столѣ красуется ве-

¹⁾ Т. II, стр. 194.

²⁾ Каменка—имѣніе сестры П. И., А. И. Давыдовой, въ Чигринскомъ уѣздѣ Кіевской губ.

³⁾ Т. II, стр. 324.